

АФОНСКИЕ
РАССКАЗЫ

Станислав
СЕНЬКИН

ЗАГОВОР
ДРАКОНА

ТАЙНЫЕ
ХРОНИКИ

МОСКВА

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С31

В оформлении переплета использована репродукция картины
«Часовня у Иверского монастыря». Афон. Греция. 2004. Холст, масло,
художника *Антон Овсянкова*

Сенькин, Станислав Леонидович.

С31 Заговор Дракона. Тайные хроники / Станислав
Сенькин. — Москва : Яуза-каталог, 2018. — 288 с.

ISBN 978-5-9500752-9-2

У этой книги особенная судьба. Написанная еще семь лет назад, она не издавалась по цензурным соображениям, поскольку освещает острые и важные вопросы в неоднозначном свете.

Этот необычный роман вобрал в себя опыт, полученный автором во время путешествий по Сербии и другим Балканским странам. Смело экспериментируя со стилем, Станислав Сенькин создает страшную сказку, связывая плотным узлом прошлое, настоящее и будущее.

Герои романа разбираются в извечном конфликте западной романо-германской цивилизации и живущей в православии Византии. Каждому приходится делать свой непростой выбор.

Какие истории приносят ветры к могучему дубу, имеющему собственное имя Душан, и какие мистические силы противостоят восточной христианской цивилизации, вы узнаете, погрузившись в изобретательный мир долго ожидавшего своего издания, увлекательного, наполненного полумистическими тайнами романа.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-9500752-9-2

© Сенькин С.Л., 2018
© ООО «Яуза-каталог», 2018

От автора

Этот роман не доказывает существование вампиров так же, как другие авторы, начиная с Вольтера, это не опровергают. Мир без вампиров не полон, это понимают многие, но мало кто способен принять истинное знание о них.

Отдельная благодарность за помощь в исследовании феномена сербских вампиров профессору философии Нишского университета Деяну Марковичу, чей энтузиазм и верность истине не дали погрузиться этому вопросу во тьму невежественного отношения. Его самоотверженный труд направлен не на реабилитацию вампиров, как говорят многие, но на сохранение правильного отношения к видимой нечистой силе. Да сохранит его Господь от видимых и невидимых врагов!

Свою попытку донести альтернативную точку зрения до читателя я сам считаю удачной. Как всегда, оговариваюсь, что имена героев и сюжет являются плодом авторского творческого воображения.

Выпады некоторых героев произведения против евреев и англичан прошу не считать проявле-

СТАНИСЛАВ СЕНЬКИН

нием или пропагандой антисемитизма и ксенофобии, а художественным приемом, приемлемым в *свободном* художественном творчестве.

Немногие из вас поймут, о чем действительно идет речь в этом романе. Иногда слова имеют два значения.

Решающая битва великих драконов на святом Косовом поле еще впереди.

ГЛАВА 1

Сербия в лапах дракона

Не сомневайся, сын, за отрицанием видимой нечистой силы они перестанут признавать и невидимую нечистую силу. Мир людей и мир демонов при соблюдении некоторых условий находится во взаимном проникновении. Об этом хорошо знают монахи и колдуны, одни как борцы, другие как пособники демонов. Используя силу покорившихся ему людей, дьявол приступает к созданию своих полков и в мире людей. Рядовыми легионерами этих дьявольских войск являются грешники, возглавляют же их колдуны, вероотступники и вампиры — поганые князья, которые внешне исповедуют Христа, но внутренне поклоняются дьяволу. Они ходят по воскресеньям в церковь и пьют кровь своих крестьян. Ты должен это знать, сын мой, когда примешь управление парохией...

Монах Геронтий

«Слово к иеромонаху Констанцию по поводу пресловутых споров о вампирах».

О вампирах сегодня не пишет лишь ленивый.

Литературный критик

Меня зовут Милан Горич

Много лет я не верил в существование вампиров, отрицал очевидное; я раздваивался сам в себе, очень долго подвергался жесточайшим сомнениям по поводу виденного мной. Реальности, та, которую знал я, и та, что исповедовали большинство, были и остаются разными. Настолько разными, что стена между мной и людьми

оказалась выше Великой Китайской стены и намного прочней Берлинской.

Я пытался, обезумев от одиночества, объяснить людям про странное ощущение, которое возникает при столкновении с видимой нечистой силой: когда ты чувствуешь себя сумасшедшим и пытаешься обратиться к психиатру, который в современном мире один уполномочен в таких вопросах. Нейролептики превращают тебя в подобие зомби, ты на грани отчаяния, безумия, самоубийства. Затем, отчаявшись в своих попытках стать нормальным, ты плюешь на общественное мнение и начинаешь жить той жизнью, к которой тебя готовил Господь, безо всякого психологического камуфляжа. Ты пытаешься найти подругу, друга, любого человека, кто смог бы понять тебя и разделить всю боль одинокого противостояния злу. Ты открываешь незнакомым людям в полупустых кофейнях в сотый раз все, что у тебя на душе, надеясь, хотя бы в сотый раз, найти понимание или просто сочувствие.

Но люди, как было нетрудно предположить, относятся к моим рассказам хоть и сочувственно, но несерьезно. Они видят во мне лишь не реализовавшего себя шута, одного из тех придурковатых парней, которые, напившись, диким голосом горланят свои песни в переполненных кофейнях.

И, наконец, я понял одну маленькую истину, которую и выношу на ваш суд: люди смогут принять мою особенную судьбу лишь как собственное развлечение. То, что занимало меня многие годы и стало для меня проклятием, для них, для вас всего лишь банальное лекарство от скуки. Если вам стало скучно, вы, возмож-

но, зайдете в магазин и посмотрите на обложки книг, гадая, развлечет ли вас очередной триллер или нет, ибо по опыту вы знаете, что обложка очень часто не соответствует содержанию. Иногда содержание вас развлекает, и даже весьма развлекает, до дрожи в коленях, на которые вы кладете эту безумно интересную книгу. Вы готовы плакать над судьбой литературного героя и страшиться всей виртуальной нечисти. Но, встретив меня в какой-нибудь сербской кофейне с речами такого же содержания, вы скорее всего поспешно удалитесь, потому что, как я подозреваю, не хотите принять вампиров в собственную жизнь. О, как я вас понимаю! Жизнь без нечисти так прекрасна и лучезарна, луна покровительствует влюбленным, а кладбища располагают к философским размышлениям о смысле жизни. Но, хотите ли вы этого или нет, я свидетельствую: вампиры существуют.

Если допустить гипотетически, что вы встретились с чем-то необъяснимым, выходящим за рамки нормального понимания, куда, к кому вы пойдете? Я поступил так, как поступило бы большинство из вас: пошел за помощью в церковь. Там, где Бог разговаривает со своими слугами, которые борются против мира, страстей и дьявола, я надеялся найти ответы на все свои вопросы.

Но современная реальность не оказалась толерантной к средневековым моделям ее восприятия. Благообразный священник, на которого я возлагал особые надежды, услышав мои рассказы, посоветовал мне пройти лечение и постепенно стал чуждаться меня как душевнобольного. В один из последних наших разгово-

ров — я помню — он недоверчиво и даже несколько презрительно усмехнулся:

— Милан, ты понимаешь ли сам, о чем говоришь мне? — Ухмыляющийся священник — зрелище, отнюдь не укрепляющее веру.

Его реакция вызвала у меня сильное раздражение, ведь я полагал, что если кто и должен верить в вампиров, так это духовенство. А он считал нас, ученых, более компетентными в подобных вопросах.

— Отец Василий, поверьте мне, я говорю правду. Вы что, не верите мне?! — Я смотрел на его желтоватые зубы с неровными краями, аккуратно подстриженную бороду и меня стали одолевать по-настоящему параноидальные сомнения в том, не является ли он сам одним из них?

Лишь потом я понял, что отец Василий просто комплексовал. Его многострадальное сословие считали в Югославии выразителем средневековых суеверий и всяческого мракобесия. Оттого священник искренне верил в прогресс и думал, что современные научные открытия скоро докажут существование Бога. Что наука есть действенное орудие промысла Божия. При грехе уныния он рекомендовал закаливание и регулярные спортивные процедуры, а не ежедневное чтение акафиста Иисусу Скорбящему. Я попал не на того священника, возможно, и промыслительно.

Он тогда со смехом, который почти оскорбил меня, отвечал:

— Какие еще вампиры? Милане, человек! Мы для себя самих являемся вампирами, когда бесстыд-

но грешим и не ходим в церковь, хотя бы на Славу¹, Рождество и Пасху. Если, дорогой Милан, мы не чтим семейную Славу и не жертвуем деньги на храм Божий, тогда, и только тогда, дьявол может подослать к нам своих коварных слуг, которые смогут принуждать тебя к совершению дурных поступков. Но слуги эти не видны невооруженным глазом, потому что это бесплотные духи. Современная наука не может опровергнуть или подтвердить существование невидимых демонов, обитающих в воздухе. Но насчет вампиров, оборотней и прочей нечисти «во плоти» вы — ученые и мы — религиозные деятели сошлись на том, что их все-таки не существует. А если ты, Милане, будешь причащаться и следовать всем церковным правилам, никто из «левых» не сможет к тебе и приблизиться. Молитва и пост... Начинай вести церковную жизнь... Особо ее не афишируй, ведь у вас в университете не очень-то нас жалуют. Ха-ха. Шучу, конечно. — Священник тогда снисходительно и бережно хлопнул меня по плечу, благословив на святое причастие. Но и частое принятие святых тайн не помогло мне увидеть истинную реальность без вампиров. Может быть, я не получил Божественную помощь из-за своего маловерия, а могло быть и так, что Господь намеренно оставил меня, чтобы я смог закалиться в борьбе и узнать больше об этом

¹ Славой в Сербии называют семейный праздник своего ангела-хранителя, святого, покровителя рода. В отличие от других православных народов у сербов славский святой покровительствует целой семье. Слава передается по линии отца. Больше всего в Сербии славскими святыми являются св. Петка, св. Николай Чудотворец и св. Георгий. Этот обычай уходит еще в языческую древность. (Здесь и далее — примечания автора.)

вопросе. С каждым прожитым днем я убеждался в том, что вампиры существуют.

Священник отказался быть моим духовным отцом, сейчас я его прекрасно понимаю, я же был ученым, которого пригрела на своей груди система. По этой самой причине священник наверняка усомнился в своем помысле, не являюсь ли я хитрым провокатором, который хочет написать пасквиль о мракобесии священства, что в наше просвещенное время продолжает верить в вампиров, как будто в Европе царили еще темные века? Отец Василий никак не мог поверить, что молодой и подающий надежды профессор истории верит в подобную чушь...

Религия в Югославии считалась уделом неразумных женщин. Почти все из действующих сербских монастырей были женскими, и неразумные монахини были единственными, кто меня хоть в чем-нибудь понимал в безбожном социалистическом мире. Думаю, что меня выгнали бы за мои чудачества из Белградского университета, если бы не Божественное провидение. Если Бог Сам открывает какие-то двери, никто не в силах Ему помешать, ни идеологи социализма, ни сам Тито. А может быть, профессора считали мое болезненное увлечение лишь экстравагантным хобби?

Вампиры и вправду, как бы там ни было на самом деле, стали для меня навязчивой идеей. Вначале, как я уже говорил, по совету священника я боролся с ними при помощи медикаментозной терапии, затем, когда меня вытошнило от подобного лечения в уличную урну, я начал по-настоящему думать. На черном рынке я достал старинный пистолет, стреляющий серебряными

пулями, стал носить в кармане чеснок и развешивать в своей полупустой белградской квартире пучки шалфея.

Несколько лет назад пугающие видения и странные совпадения, о которых можно говорить очень долго, почти перестали происходить в моей жизни. Самое время вздохнуть с облегчением и успокоиться, но я вдруг ощутил доселе неизвестное мне страстное желание изучить истоки этого вопроса: откуда вообще и зачем на земле существуют вампиры? Я воспринял это успокоение как краткую передышку, во время которой я смогу приобрести теоретические знания о вампирах, что поможет мне в дальнейшей борьбе. Но это оказалось очень трудным занятием.

Вампирологию ведь не преподают в школе или институте. Я обратился к Голливуду и художественной литературе, но современный миф о Дракуле и его приспешниках не вязался с теми маленькими познаниями, какие я уже приобрел в своей маленькой борьбе. Образ кинематографического Дракулы был полностью списан с больных порфирией — странным и неприятным заболеванием, которое возникает от генетических отклонений и характерно недостатком в организме красных кровяных телец — гемоглобина.

Кинематографический вампир был бледной обескровленной тенью настоящего, он был отдушиной для современного мира, который подозревал о существовании видимой нечистой силы, но не находил в себе собственных сил для того, чтобы признать ее живой и действующей. Так нечисть, изгнанная скепсисом, как святой водой, из реального мира, стала осваивать мир фантазий.

Тогда я обратился к древним легендам разных стран и народов и обнаружил неисчерпаемый источник вдохновения для своих трудов. Постепенно я узнал, что являюсь единственным настоящим вампирологом для своего времени. Это все было так странно и удивительно, что преисполняло меня гордостью. Но моя гордость часто сменялась страхом. Я вспоминал те моменты, когда вампиры пытались уничтожить меня, и думал: не следят ли они за моим продвижением в науке их познания, не ждут ли они чего-то от меня? Ведь вампиры не трогали меня, но я часто ловил себя на ощущении, что за мной пристально наблюдают. Либо они что-то от меня хотят, либо Господь оградил меня от видимого зла, чтобы я послужил Ему. Что же было правдой? Пока я не мог дать четкого ответа на этот вопрос.

Субботица

Всякое явление в мире имеет начало. Когда я впервые встретился с видимой нечистой силой, был обычный летний вечер, не отличающийся ничем от других таких же вечеров, разве что жара тогда стояла необычайная. Я помню его так, как будто это случилось со мной лишь вчера.

На лето, да и просто на выходные, я ездил из Белграда к своей бабушке под Кралево, откуда была родом моя мама, в деревню под смешным и родным мне названием Субботица. Есть в Сербии еще и город Суб-

ботица, но это не то место, прошу заметить; наша Субботица — маленькая деревня в тридцати километрах от Кралево. И в этой самой маленькой Субботице с незапамятных времен стояла старая заброшенная церковь, посвященная святой Петке. Храм был небольшим и неказистым. Сельские женщины не дали ему окончательно превратиться в мерзость запустения и регулярно выносили оттуда мусор, но сельские мальчики с еще большей регулярностью устраивали там свои игры, несмотря на то что их за это драли за уши.

Нашей семейной Славой была как раз святая Петка. Святая великомученица Параскева, моли Бога о нас! Бабушка ездила на Славу в соседнее село, освящала славский калач, причащалась и приносила нам, если мы были тогда в Субботице, какие-нибудь святыни, просфорки или маленькие иконки. Мой отец был убежденным коммунистом и лично знал Тито, ему такая религиозность по понятным причинам была не по душе. Он никогда не говорил, что за Слава была у его семьи, отец просто отрекся от своей Славы, как и от Бога. Одним словом — коммунист. Но он был и моим отцом, и я по-своему любил его. Отец обладал джентльменским набором ценных личностных качеств, к примеру, он никогда не указывал моей бабушке, но ненавязчиво всегда давал ей понять, чтобы она даже не пыталась вмешиваться в мое воспитание и не учила меня молитве или другим вещам из религиозной практики. Когда бабушка в разговоре со мною как бы невзначай упоминала Имя Божье, отец всегда хмурился, что бы он ни делал в это время. Бабуля чувствовала его реакцию и